

ИЗВЕСТИЯ: Если иностранный исследователь приезжает в Россию заниматься современной русской литературой, то в большинстве случаев это значит, что он занимается творчеством Пелевина. А теперь еще вы представляете Россию в международном глобальном проекте «Мифы». Как вы относитесь к репутации главного русского писателя?

Виктор Пелевин: Мне кажется, вы преувеличиваете. Главный писатель России — это полковничья должность, а я лейтенант запаса. Кроме того, я не понимаю, как в этой области можно строить иерархию. Тексты разных людей имеют разную природу. Сравнить их на основании того, что они выходят в виде книг, — это все равно что сравнивать пиво, апертон и коктейль Молотова на основании того, что все эти жидкости разливают в бутылки.

ИЗВЕСТИЯ: Я читала, что миф о Тесее за вас выбрала итальянская девочка. Это правда или тоже легенда? Почему все же Тесея?

Пелевин: Это правда, она прислала мне мейл с одним словом — «Minotaurus?». Тесея именно поэтом.

ИЗВЕСТИЯ: И без «Шлема ужаса» вас можно назвать самым мифологичным писателем. Я имею в виду вашу любовь к конструированию идеологических моделей.

Пелевин: Я не конструирую идеологические модели. Этим занимаются политтехнологи. Но мне понятно, откуда берутся такие вопросы. Говорить на политтехнологической фене стало в наше время так же модно, как в девяностых годах было модно намекать на знакомство с «понятиями».

Это потому, что в современном обществе «эксперты» играют ту же роль, которую тогда играли бандиты. Если помните, бандиты стреляли во все стороны, милиции было велено их не трогать, и все испуганно сидели по домам. А за углом в это время пилили бабло. Сегодня «эксперты» создают своим блекотанием белый шум, в котором не слышно, как это бабло допиливают и перепиливают. Функция та же самая, только без стрельбы. Поэтому можно сказать, что политтехнологическая «экспертиза» играет в нашей культуре ту же роль, какую рэп играл в gangsta culture черных американских пригородов прошлого века: вместо того чтобы стрелять, негры на стрелках начали петь. Нам в России надо бы положить нашу «экспертизу» на музыку, только не копировать западные ритмы, а взять что-

нибудь родное — балалайки, терменвокс. Может быть, мир наконец заметит и оценит нашу самобытную оригинальную культуру. Вот такая получается идеологическая модель.

ИЗВЕСТИЯ: В новой книге фигурирует политтехнолог. Но если в «Generation P» он подсовывал избирателям виртуальных политиков, то теперь он — демиург целого мира, из которого для героев нет выхода. Откуда такой пессимизм?

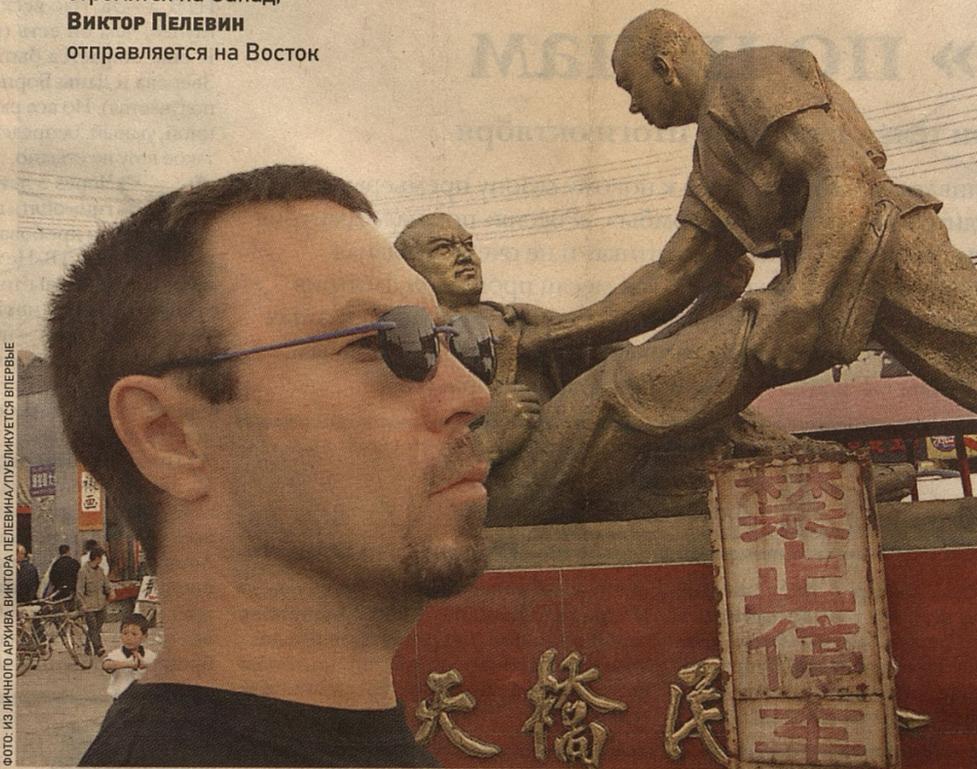
Пелевин: Я, наоборот, полон оптимизма, потому что выход есть, и очень простой. Он описан в книге. Раньше надо было показать палец экрану и выключить телевизор. А в новых исторических условиях надо сделать фингер монитору и выключить компьютер. В прошлом веке у нас был один общий телевизор для всех. А с появлением блогосферы люди стали телевизорами друг для друга. При этом общее количество туфты в информационном потоке растет прямо пропорционально количеству нарождающихся телевизоров, а количество правды меняется не особо, потому что правда, как поется в песне, одна. Про телевидение люди все уже поняли. А чтобы все стало ясно про интернет, должно составить нынешнее поколение сетевых энтузиастов. Ждать, кстати, осталось недолго — при погружении в сеть человек стареет быстрее.

«Конкуренции с Владимиром Владимировичем™ я, естественно, боюсь. Кто же ее не боится»

ИЗВЕСТИЯ: Роман построен в форме интернет-чата. Часто общаетесь в сети?

Пелевин: Нет. И вообще стараюсь пользоваться интернетом только в случае необходимости — после того как обнаружил у себя симптомы интернет-зависимости. Знаете, я, как и все, долгое время думал, что интернет — это такая чистая земля, где нет цензуры и можно найти неискаженную информацию. А потом, когда у меня стали проваливаться в эту дыру целые дни, я задумался — что такое информация? Это код, набор сигналов, сообщающих о чем-то. Допустим, на горе зажгли костер — и вы понимаете, что приближается вражеская конница. В блогосфере, если продолжить аналогию, костров очень много, но они сообщают не о приближении конницы, а о том, что на соседнем огороде вчера видели сулика. Там уйма информации, но эта информация имеет очень низкий ранг и называется прекрасным рус-

Известия 2005-03-06, 11-с.21
**В то время как все
русские писатели
стремятся на Запад,
Виктор Пелевин
отправляется на Восток**

Виктор Пелевин: «Главный писатель России — полковничья должность, а я лейтенант запаса»

5 ноября выходит новая книга Виктора Пелевина «Шлем ужаса. Креатифф о Тесее и Минотавре», в которой гуру современной литературы взялся за интерпретацию известного античного мифа. Накануне выхода книги с Виктором Пелевиным побеседовала корреспондент «Известий» Наталья Кочеткова.

ским словом «лытдыбр», которое получается, если напечатать «дневник» на английской клавиатуре. Информация высоких рангов в блогосферу не попадет, потому что имеет денежный эквивалент, и чем она ценнее, тем лучше ее прячут. Это экономическая аксиома. Тем не менее ковыряться в шелухе — удивительно затягивающее и уютное занятие. Каждая такая сессия программирует вас на следующую. В сознании формируется что-то вроде троянской программы, которая начинает ломиться в сеть каждые пять минут — вам ничего там не нужно, но вы все равно подключаетесь. А делать это не стоит, потому что поглощение бессмысленной информации сокращает жизнь — я имею в виду не

количество прожитых лет, а ее субъективную протяженность. Жизнь — это ведь и есть восприятие информации. У человека ограниченная емкость. **ИЗВЕСТИЯ:** Вы следите за своим сайтом? **Пелевин:** Там интересный форум. Заходят яркие личности. Какие-то тантрические буддисты в гневном аспекте, старообрядческие кликуши из Лондона. Довольно много Пелевиных. Обязательно появится какой-нибудь сердитый молодой человек с виноградной гроздь в руке — и по морде, по морде... Я в таких случаях думаю — ну ничего, зато меньше достанется его домашним. Приношу людям хоть маленькую, но пользу. **ИЗВЕСТИЯ:** Кстати, как вы относитесь к проекту Виктор Оле-

гович™? Не боитесь конкуренции с Владимиром Владимировичем™? **Пелевин:** По поводу проекта Виктор Олегович™ мне вспоминается строчка из Набокова: «Достоевский производит гнетущее действие на психику современного человека, ибо, как в страшном зеркале, — — —». Здесь важна именно эта странная пунктуация. А конкуренции с Владимиром Владимировичем™ я, естественно, боюсь. Кто же ее не боится. **ИЗВЕСТИЯ:** Я слышала, как Борис Гребенщиков, с которым вы дружите, говорил, что вы договорились не встречаться. Это правда? А как тогда происходит общение? **Пелевин:** В контролируемом сневидении. Там, правда, не всегда знаешь, когда это обще-

ние происходит на самом деле, а когда его домысливаешь.

ИЗВЕСТИЯ: Во время презентации «Мифов» на Франкфуртской книжной ярмарке вы отправились в Корею. Что вас туда привело?

Пелевин: Карма.

ИЗВЕСТИЯ: Любовь к восточной культуре началась еще со времен журнала «Наука и религия»?

Пелевин: Это не столько любовь к культуре, сколько любовь к природе. Восточная культура хороша именно тем, что образует рамку к природе, а не билборд, который ее заслоняет.

«Афтар пеши исчо»

ИЗВЕСТИЯ: Совсем недавно вышел ваш сборник «Relics. Раннее и неизданное». Почему вы решили переиздать эти рассказы?

Пелевин: Потому что большая их часть не выходила в книжном формате.

ИЗВЕСТИЯ: Судя по названию сборника и роману «Омон Ра», вы равнодушны к музыке Pink Floyd. Можете еще рассказать о ваших музыкальных предпочтениях?

Пелевин: Я больше всего люблю тишину. Она содержит все возможные звуки. А предпочтений у меня нет, просто часто крутится в голове какая-нибудь песня. Сейчас, например, «Тридцать три и одна треть» группы «Нет слов». «Столько лет ни одной лодки, ни единого рыбака, лишь густая вода холодная, вода была глубока...». Чудо какая песня. Афтар пеши исчо.

ИЗВЕСТИЯ: «Relics» гораздо больше напоминает привычного Пелевина: галлюциногены, буддизм — все это уже, кажется, стало вашей визитной карточкой. Вы намеренно решили сыграть на контрасте со «Шлемом ужаса»?

Пелевин: Нет, такого расчета не было. А насчет галлюциногенов — это все равно что сказать, будто визитная карточка Хемингуэя — яичница с ветчиной, потому что у него в романах упоминается это блюдо. Визитные карточки, кстати, я себе заказывал только раз в жизни, в юности. Мне их сделали пятнадцать штук в Камергерском переулке, на большее не было денег. Там было написано «Виктор Пелевин, комплект эманаций», а ниже были черная летучая мышь и телефон мексиканского посольства. Так что не обязательно галлюциногены и буддизм.

ИЗВЕСТИЯ: Сборник завершают эссе, среди которых есть «Имена олигархов на карте родины», подписанное Вавиленом Татарским. Эссе написано после романа «Generation P» или это первый проект легендарного политтехнолога?

В:

«Галлюциногены, буддизм — все это уже, кажется, стало вашей визитной карточкой»

О:

«Визитные карточки я себе заказывал только раз в жизни, в юности. Там было написано «Виктор Пелевин, комплект эманаций»»

Пелевин: Это первый проект. Так Вавилеи появился на свет.

ИЗВЕСТИЯ: Как бы вы охарактеризовали современную российскую идеологическую ситуацию? Я имею в виду попытки сформировать национальную идею. Вокруг какого мифа руководство страны пытается построить свою политику?

Пелевин: Знаете, у Чехова в одной из записных книжек есть запись про счет, который подали постояльцу в гостинице. В нем была такая графа: «клопы — 15 копеек». В этом суть нашей социально-экономической модели, только вместо клопов у нас «консенсус элит», а вместо пятнадцати копеек — валовой национальный откат. Когда я слышу слова «национальная идея», мне всегда кажется, что руководство гостиницы хочет расширить перечень услуг. Счет теперь будет выглядеть так: «клопы — 20 копеек, гостиничная идея — 10 копеек». Так вот, суть гостиничной идеи в этой ситуации будет сильно зависеть от ее авторства. Если ее будут придумывать постояльцы, она будет заключаться в борьбе с клопами. А если ее будут придумывать клопы, у нее будет два аспекта. Первый — официальная идеология, провозглашающая симфонию клопов и человек. И второй — реальная политика, заключающаяся в симфонии клопов и тараканов.

ИЗВЕСТИЯ: И последнее — как относитесь к приговору Ходорковского?

Пелевин: Не могу похвастаться сильной эмоциональной реакцией на это событие.

32